

опубликованную недавно В. Бешевлиевым в «Нови откъследи от първо-български и други средновековни надписи от Плиска и Преслав» (ИАИ, XX, 1955, стр. 282—283). Надпись состоит из одиннадцати буквенных знаков, а именно: ОСТРО/БОГОІН ... По мнению издателя этого фрагмента, здесь мы имеем одну из древнейших славянских надписей в болгарских землях. Так как из сохранившихся 11 букв, 10 букв являются греческими или подражанием греческим буквам, а одна буква — Б — славянская, то можно предположить, что это одна из первых попыток приспособить греческое унциальное письмо для выражения славянской речи, и тем самым отнести надпись к докирилловским опытам в создании славянского письма. Однако памятник очень поврежден и нельзя сделать никаких точных выводов. Интересны, но, к сожалению, не изучены, славянские эпиграфические материалы, опубликованные в статье Ст. Михайлова «Археологически материали от Плиска (1948—1951 г.)» (ИАИ, XX, 1955, стр. 49—181), где даны изображения некоторых начертаний, буквенных знаков на камне, украшений на роге оленя (буквенные знаки и изображения могли иметь астрологическое значение) и др. Как известно, еще В. Ягич в работе «Графика у славян» (СПб., 1911, стр. 26—36) обратил внимание на так называемые «рабоши», употреблявшиеся до недавнего времени болгарами и сербами, как на остатки старинного славянского письма. Новым вкладом в изучение этого вопроса является статья П. Детева «Един календар-рабош в Пловдивския народен музей» (Български народ, III 1947, стр. 10—13). В связи со спорами относительно приоритета глаголицы или кириллицы следует указать на статью Е. Георгиева, «Към въпроса за Константиновото (Кириловото) авторство на глаголицата. Следи от глаголицата в Методиевото пространно житие» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 219—221). Автор исследует известие жития Мефодия (гл. XV), где говорится, что Мефодий перевел за шесть месяцев библейские книги (без Маккавеев), и заявляется, что это заняло время от марта до конца октября, т. е. в сущности восемь месяцев. Георгиев объясняет ошибку тем, что текст был транскрибирован с глаголического оригинала на кириллицу, без учета разного числового значения буквенных обозначений. Это толкование вышеупомянутого текста, однако, не представляет ничего нового по сравнению с тем, что дано еще покойным М. Решетаром (M. Rešetar, Zur Übersetzungstätigkeit Methods. Archiv für slavische Philologie, XXXIV, 1—2, 1912, стр. 234—239).

3. За истекшее десятилетие было опубликовано несколько работ общего характера по истории древнеболгарской литературы. Прежде всего назовем две компилятивные работы: Хр. Недякова «Стара българска литература» (София, 1945, 16°, 158 стр.) и Г. Константинова «Стара българска литература» (София, 1946, 16°, 255 стр.). В качестве учебного пособия для университета была опубликована книга П. Динекова «Стара българска литература» (т. I, София, 1950, 8°, 231 стр.; т. II, София, 1953, 8°, 206 стр.). Книга содержит хорошо сделанное краткое изложение предмета и полезную библиографию. Должна быть еще упомянута также и книга знатока староболгарской литературы, ныне покойного М. Генова «Етюди върху старобългарската литература» (София, 1947, 16°, 139 стр.), в которой рассматриваются отдельные вопросы истории староболгарской литературы; например, о начале старославянской письменности, о перенесении славянской письменности в Моравию и Панонию, о литературном наследии Солунских братьев среди западных и восточных славян, о богомилстве, о староболгарской беллетристике и др. Опубликована также незавершенная докторская диссертация болгарского писателя П. Ю. Тодорова (1879—1916) под названием «За отношението на славяните към